

Маруся Апрель

ЖИЛИ-БЫЛИ

16+

Маруся Апрель Жили-были

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64035801
SelfPub; 2021*

Аннотация

Первая книга Маруси Апрель из серии «Не про нас». В неё вошли четыре сказочные истории для взрослых. Они не связаны между собой, отличаются по стилю написания, можно читать их в любом порядке. Любопытно, что мнение тех, кто уже прочёл эту книгу, разделилось: кому-то пришлось по душе истории про Хому, Дилу и Птичку, а кому-то – про Ваську и село Морошково. Было бы интересно узнать и Ваше мнение!

Маруся Апрель

Жили-были

Про Хому и Дилу

Глава первая

Жил-был хомяк. Звали его Хома. Он был толстенький, на-ходчивый и хозяйственный.

Хома был влюблен в хомячиху Дилу. Она была худенькая, скромная и беззащитная.

Целыми днями Хома добывал и носил в своих больших щечках пропитание. А Дила всегда стояла возле одного и того же пенечка и нежно смотрела на него. Хома мечтал о том, что когда-нибудь у него будет много-много еды. Тогда он позовет Дилу, и, указав ей на все свои сокровища, торжественно скажет:

– Дила, выходи за меня замуж. Теперь это все будет и твоим тоже.

Запасов Хома накопил уже на две зимы. Всякий раз, проходя мимо хомячихи, он думал: «Еще десять ходок, и – пора».

Однажды, взглянув на Дилу, Хома заметил, что она смотрит на него как-то уж очень печально. Он остановился. Хомячиха робко подошла к нему.

– Простите, что потревожила вас, – едва слышно произнесла она. – Я очень голодна. Не могли бы Вы подарить мне одно зернышко, или одну семечку? Я была бы Вам очень благодарна.

От неожиданности Хома замер на месте. Щеки его были так набиты, что он не смог вымолвить ни слова. Он подумал, что если сейчас освободить содержимое целой щечки, то придется отдать ей все. Ему вдруг стало жалко. Он ведь так старался, все утро искал, трудился, а теперь – отдавай.

И вообще, Хома представлял себе все совсем иначе.

Опустив глаза и что-то невнятно пробормотав, он пошел дальше.

«А надо ли мне жениться? – подумал хомяк, вернувшись в свою норку. – Так всю жизнь и работай за двоих».

На следующий день он взял из своей кладовки несколько маленьких зернышек, и понес их Диле.

«Хоть я и не собираюсь жениться, но не помирать же ей с голоду», – подумал Хома. Он представил, как высыплет перед Дилой содержимое одной не такой уж и полной щечки, и скажет:

– Вот, возьми. Ты – хорошая хомячиха.

Она, конечно, станет отказываться. Скажет, что не сможет принять такой дар. Тогда он ей ответит: «Бери, бери! Для меня это так, мелочи жизни!»

Дилы на прежнем месте не оказалось.

– Обиделась, – подумал Хома.

Хомячиха не появилась ни через день, ни через два.

Прошла неделя.

Хома упорно трудился, и запасы его росли. Но они не радовали его так, как прежде. Ему не хватало нежного взгляда худенькой Дилы.

В одно утро, он закрыл свою кладовку и отправился на поиски хомячихи.

Он искал ее повсюду, где только мог. Спрашивал о ней у всех. Но никому она не встречалась, а может, и пробежала мимо, да никто её не запомнил.

Хома вернулся домой. Он подумал о том, что хотел подарить Диле всю свою жизнь, а пожалел маленького зернышка.

Лето подходило к концу. Хома тосковал. Продолжая носить запасы, он набил ими уже три кладовки. Иногда, проходя мимо пня, он останавливался и подолгу стоял, вглядываясь в пустоту.

Глава вторая

Однажды в дверь Хоминой норки постучали. На пороге стоял молодой суслик.

– Имею честь пригласить вас на мою свадьбу! – торжественно объявил он.

– С какой стати? – равнодушно спросил Хома.

– Вот уж, поверьте, – дерзко ответил суслик, – я ни за что не позвал бы вас, если б не моя невеста. Она – хомячиха, и к тому же – круглая сирота. А гости, как вы, надеюсь, пони-

маете, должны быть с обеих сторон.

– Зачем же вы женитесь на хомячихе? Вам что, суслиц или как их там, мало?

– Сусликов мне хватает. Но, это – особая хомячиха. Она такая тихая и работающая, и к тому же так мало ест, что фактически ничего не будет мне стоить.

Глаза Хома округлились.

– Как ее зовут?

– Дила. Так Вы придете?

– Непременно, – выговорил Хома.

Дверь за сусликом захлопнулась, и Хома, очнувшись, выбежал за ним, крича:

– Куда приходите?

– Все там! – суслик указал на листок, который Хома сжимал в лапке.

«Приглашаем Вас на церемонию бракосочетания и праздничный обед. Завтра в полдень, в норе Суслика на краю леса у старой сосны» – прочел хомяк.

Он забегал по комнате.

Что же делать? Не может быть, чтобы Дила полюбила этого облезлого юнца! Нет! Нет и нет! Он сейчас же пойдет к ней!

И Хома понёсся к старой сосне.

Почти добежав до неё, он едва успел притормозить, увидев выходящего из норы суслика.

«Дорогая, – тонким голосом пропищал суслик, – я вер-

нужно завтра утром, надо еще занять денег на нашу свадьбу. Не жди меня сегодня». И он ускакал прочь.

Хома отдышался, подошел к норе и толкнул дверь. Она оказалась не запертой. Внутри было чисто и пусто. Дила прибиралась. Она еще больше похудела, и взгляд ее стал еще печальнее.

Увидев его, Дила вздрогнула. Глаза ее стали большими.

Хоме показалось на секунду, что она обрадовалась ему.

– Дила, прости меня, – сказал Хома.

– За что? – тихо спросила Дила.

– За то, что не дал тебе тогда зернышка.

– Это – ничего, – сказала Дила и добавила: но если тебе это важно, я тебя прощаю.

– Важно. Мне это очень важно, Дила. Зачем ты выходишь замуж за этого хлыща суслика?

– Он вовсе не хлыщ. А мне негде жить и нечего есть. Видно я такая непутевая.

– Что ты, Дила! Ты – очень, очень путевая, ты – самая путевая на свете, и самая красивая, и самая лучшая!

– Правда? – горько улыбнулась хомячиха.

– Правда! Выходи за меня замуж, Дила.

– Ты же знаешь, завтра я выхожу замуж за суслика.

– Суслик! Подумаешь, суслик! Ты ведь не любишь его?

– Не люблю. Но я благодарна ему.

– А он? Ты думаешь, он любит тебя? Скажи честно.

– Я не знаю.

– Не знаешь! Подумай, ты готова прожить с ним всю свою жизнь только из чувства благодарности! Ведь это твоя жизнь, Дила! Пойдем со мной! Давай сбежим сейчас же! Я столько накопил, что хватит на долгие зимы. У нас с тобой родятся маленькие хомячки, а не какие-то там суслики.

Хома замолчал. И тут он вдруг что-то понял.

– Ты не любишь меня, да? Дила, скажи!

– Люблю. Я люблю тебя!

– Тогда бежим скорее отсюда!

– Он нас догонит.

Хома задумался на минуту.

– Расскажи мне о нем. Какая у него слабость? Перед чем он не устоит?

Дина смущенно опустила глаза.

– Ну, говори же! Ты знаешь его лучше, чем я.

– Он очень жадный, – тихо произнесла Дила.

Хома покраснел до кончиков ушей.

– Что ж. Тогда я знаю, что делать! Мы наносим к его норе кучу еды. Он не сможет ее бросить. А когда он перетащит все в свою нору, мы будем уже далеко.

– Хома, скажи, – тихо произнесла хомячиха, – ты уверен в том, что хочешь взять меня в жены?

– О! Дила! Если бы ты только знала! Однажды я уже потерял тебя, и больше я тебя никуда не отпущу, и уж конечно не отдам этому щеголю суслику!

Дила поверила Хоме и одобрила его план.

До самого утра они перетаскивали в своих четырех щечках запасы из хоминной кладовки к норе ненавистного хомяку суслика. Хома, конечно же, не собирался кидаться в бега и бросать все свои запасы. Пока нужно было только расстроить свадьбу, а потом все забудется, и они с Дилой вернутся.

– Пожалуй, пора бежать! – сказал Хома, глядя на выросшую за ночь кучку.

Глава третья

Только он произнес эти слова, как послышался шорох, и возле норы появился суслик. Увидев Хому, он очень удивился.

– Кажется, мы приглашали тебя на обед, хомяк! – грозно произнес он.

– А я пришел на завтрак, суслик! – парировал Хома.

Суслик подошел к Диле и обнял ее.

Хома едва сдержался.

– Иди, погуляй, дорогая, – покровительственно произнес суслик.

– Что тебе нужно? – спросил суслик, когда Дила оказалась достаточно далеко, чтобы их не слышать.

– Мне нужна Дила, – ответил Хома.

– Да, ты, хомяк, сдурел! Она – моя невеста!

– Подумай, суслик, что скажут твои гости? Они же засмеют тебя.

– Мне плевать на гостей.

– А какие у вас родятся дети, тебе тоже плевать?

– Зачем нам дети?

– Она не любит тебя!

– Полюбит!

– Какой же ты непробиваемый!

Суслик подумал немного, ухмыльнулся и хитро прищурился.

– Ты все не о том, хомяк!

– Сколько?

– Все твои запасы.

– Ты шутишь?

– Вовсе нет!

– Ни одна хомячиха в мире столько не стоит!

– Ну что ж, – притворно равнодушно произнес суслик, и, отвернувшись от Хома, зашагал к Диле.

– Стой! Я согласен.

Глава четвёртая

Три недели Хома, Дила, суслик, и с десятков его родственников, прибывших на свадьбу, перетаскивали Хомины в нору суслика. Наконец, две хомячьих кладовки были полностью опустошены.

Дила отправилась к ручейку, помыть свои уставшие лапки.

Хома подошёл к суслику.

– Ну что, суслик, мы в расчёте?

– Э, нет, хомяк. Я-то знаю, что у тебя есть третья кладовка.

Ты отдашь мне всё!

– Ты! Ты!.. – Хома выругался на своём хомячком, и, помчался тараном на суслика. К счастью для обоих, двое друзей суслика его удержали.

– Несём всё обратно? – с вызовом спросил суслик.

Хома снова выругался.

Ещё через неделю, третья, последняя, кладовка Хома была опустошена.

– Теперь-то мы в расчете, суслик?

Больше всего Хома хотелось, чтобы несносный суслик наконец-то исчез.

– В расчете, хомяк.

– Тогда ступай отсюда, и постарайся не попадаться мне на глаза.

Суслик, и его друзья ушли.

Уставшие хомяки сидели, прижавшись боками друг к другу возле пустой Хоминой кладовки.

Хома повернулся к Диле:

– Прости меня, Дила. Я пожадничал и чуть не потерял тебя. Нам бы хватило запасов на три зимы. А теперь... – Хома помолчал, – теперь у меня есть только лапы и две щеки.

– Четыре щеки!

– Ты не передумала? Ты согласна стать моей женой?

– Я согласна! – ответила Дила и одарила Хома такой улыбкой, что он почувствовал себя самым счастливым хомячком

на свете.

У Хома и Дилы родилось восемь хомячков с большими щечками. А потом у них родились еще восемь хомячков, и еще. Все они живут вкусно, щедро и дружно. У них всегда всего хватает, потому что Хома с Дилой научили их трудиться и делиться.

Как Толик с Васиной букашкой воевал

Предисловие

Больше всего на свете ненавидел Толик разговоры о букашках.

Только кто-нибудь начнет ему о своих букашках рассказывать, Толик в раз рассказчика пресекает:

– Нечего мне про букашки ваши жаловаться, сами с ними живите, а меня не вмешивайте.

Обижались многие. Мол, нам, Анатолий, от вас ничего и не требовалось, только сочувствие и понимание.

Понимания в Толике было выше крыши, потому как видел, знает, и сочувствовал, очень даже сочувствовал. Не будь в Толике этого самого сочувствия и желания помочь всеми что ни на есть силами, может и обошлось бы все. Не потерял бы Толик из-за одной маленькой букашки лучшего своего друга.

Так что, на такие разговоры отвечал Толик честно и неприкрыто:

– Плевать я хотел на ваших букашек.

Терять ему теперь было некого.

Глава первая

Ваську, будущего своего друга закадычного, подобрал Толик на помойке. Был Васька мокрый, потрепанный, с подбитым глазом, но марку держал, сидел на своей территории кум-королем, ванны солнечные принимал, и на прохожих одним глазом поглядывал.

В глазу том разглядел Толик тоску нечеловеческую. И позвал Ваську. Ни колбасы у Толика с собой не было, ни даже крошки хлебной. А Васька все равно за ним пошел, доверился, значит. За всю Толину жизнь, никто так сразу в него не верил.

Жена, конечно, ругаться начала. Мол, мало тебе хлама в доме, еще и этого кошака полудохлого притащил. Васька, было, шерсть на нее поднял, да когти выпустил, но так она на него зыркнула, что он в комочек сжался и стал совсем незаметным.

Прижился Васька в доме. Намыл его Толик, накормил, и топчан для него смастерил, чтобы от окна не сильно дуло. Васька топчан оценил, но только на один день. Потом уж он к Толику в постель забирался, ножки ему погреть. Шерстка у Васьки теплая, сам он ласковый. Даже Толикова жена к нему привыкла, и кричать меньше стала. Погладит, бывало, Ваську, или оттаскает за шкурку, и успокоится.

По вечерам любил Толик с Васькой по душам поговорить. Сидит Васька у него на коленях. Толик его за ушком гла-

дит и рассказывает, как у него день прошел: что они с мужиками сегодня на работе выдумали, и он, значит, начальник своему посоветовал, как процесс оптимизировать. А начальник у них – не дурак, его послушался. Сэкономил Толик для производства кучу денег, и надеется теперь на премию.

Васька, казалось, задумывался.

– Эх, Васька, знаешь, за что я тебя так люблю?

– Мрррр..

– За то, что ты все понимаешь, и ничего не говоришь. Хороший ты, Василий.

Дни шли за днями, недели за неделями, месяцы за месяцами.

Прошел год. Потом-второй.

И так сроднились они, что Толик тоже стал Ваську слушать и понимать.

И, это-то, как потом понял Толик, послужило началом их рокового разрыва.

Глава вторая

Васька любил иногда погулять, воздухом подышать, бывшее вспомнить и за свою нынешнюю жизнь порадоваться.

Толик друга не держал, и тот всегда возвращался.

Но однажды, вернулся Васька не один.

То есть это потом уже стало ясно. А сначала ни он, ни Толик об этом не догадались.

Стал Васька чесаться. Сначала зачесалось у него где-то

возле шеи, потом на спину переместилось. Весь он изъерзался, и так, и эдак лапой себя скребет, а не помогает.

– Блохи, что ль у тебя, Василий, завелись?

– Похоже, Толик, одна, блоха-то. Маленькая, но вредная, зараза! Прыгает с места на место. Никак мне ее не поймать.

– Дай, я попробую.

Попробовал Толик. Безуспешно. Больно букашка оказалась резвой. Размером – что клоп, а сколько в ней прыткости.

– Погоди, друг, слышал я, ошейник специальный есть, с ароматом. Букашки этого аромата не выносят, и сами спрыгивают.

– Ты уж мне его, пожалуйста, найди! – горестно промяукал Васька.

Побежал Толик в ветеринарный магазин, и купил ошейник пахнувший, и мыло, заодно, противобукашковое.

Не помог ошейник. На следующий день сделалось Ваське еще хуже. Весь день чесался. Даже Толика не выслушал. Ничего его от букашки отвлечь не смогло.

– Эх, Васька, вот я дурак-то! Пошли скорей в ванну, буду тебя блошиным мылом оттирать.

Не любил кот мыться, да только, как иначе от букашки избавишься.

Намылил его Толик, стал смывать, вспомнил, что полотенце в комнате забыл.

– Ты, говорит, Василий, посиди, а я сейчас вернусь.

Только он ушел, а букашка Васькина – прыг на край ванны

и говорит кошачьим голосом:

– Васенька, милый, хороший ты мой! Не смывай меня, пожалуйста! Я без тебя пропаду.

Кот глаза выпучил, и сказать что от неожиданности не знает.

– Обещаю не кусать тебя больше. Ну, если только совсем не больно. Мне без тебя, Васенька, не прожить!

Сказала так, и, прыг, снова на Ваську.

Тут Толик зашел, с полотенцем.

– Ну, как ты, Вась? Вижу, вижу, что доволен! Вон глаза сразу просветлели.

Вздыхнул Васька.

– С облегчением, – потрепал друга по шерстке Толик.

Глава третья

Зажили они дальше.

Васька, правда, изменился. Задумчивым стал, в себя ушел, отстранился как-то от Толика.

Букашка тихо-тихо сидит, но Васька знает, что рядом она, и ему как-то теплее от этого. Порой куснет. Ничего, терпимо. А если долго не кусает, Васька начинает ждать и готовиться. Нервничать начинает.

Толик к нему и так, и эдак, уж и про работу больше не рассказывает, а все больше его, Васькиными, делами интересуется. А кот говорит редко. Но все об одном. Как ему тяжело было, когда букашка на нем сидела.

Слушал, слушал Толик, а потом раз как-то в пятницу вечером и говорит:

– Я тебя, Васька-друг, не узнаю. Что ты все старые косточки перебираешь, какую-то вшивую блоху вспоминаешь!

На «вшивую блоху» букашка сильно обиделась, да как укусит Ваську в шею, в самое больное место.

Подскочил Васька, да как замяукает:

– Да что ты знаешь про жизнь мою горемычную?

Толик так и сел, где стоял. Хорошо, что табуретка сзади оказалась. Но, в руки себя взял и говорит:

– Что тебе, Вася, теперь не так?

Повинился кот, рассказал Толику всё, как было.

Расцеловал его Толик в обе щеки пушистые.

– Что ж ты, дурак этакий, сразу-то мне не сказал? А я тут, понимаешь ли, голову ломаю.

– Пошли, – говорит, – скорей, смоем с тебя наконец букашку эту надоедливую.

Васька чуть не просиял от благодарности.

А блоха хитрющая попалась. Она заранее подготовилась: сделала себе круг надувной, на слив сеточку сплела, чтобы вода утекла, а она, букашка, удержалась.

Толик полотенце опять забыл, но уходить не стал, чтобы друга одного не оставлять. Взял первую попавшуюся тряпку, халатом жены оказавшуюся, и Ваську вытирать начал. А букашка на круге сидит и кричит:

– Васенька, не покидай меня. Я ведь твоя родная! Тебе

без меня худо будет. Не почешешься уже. У нас ведь с тобой никого нет кроме друг друга. Толик, он же – человек, ему нас с нашими инстинктами не понять.

А Толик и вправду ничего не понимает. Круг видит, букашку на нем видит, смятение Васино видит, а понять ничего не может.

А букашку в водоворот уже засасывает.

Ваське ее жалко, и себя жалко. Но держит он себя в лапах.

Вот и вода вся ушла.

Успела букашка сеть кинуть и сидит на круге, дрожит, держится.

Вспомнил кот себя в молодости, мокрого и нечёсаного, схватил букашку и на шею себе посадил.

Плюнул Толик в сердцах на всё это и с Васькой три дня не разговаривал.

А когда помирились они, прежней жизни уже не было. Только и слышно теперь от Васьки было, что об его букашке. Как она сегодня, беспокоила его, или так, только покалывала иногда.

Терпел Толик, терпел, а потом опять не выдержал и спрашивает друга:

– Что, ты, Вася, от меня хочешь?

Удивился кот такому вопросу.

– Ничего мне от тебя не надо, – говорит.

И обиделся.

Толик решил первым к коту не подходить. Еду давал, а

чтобы доброе слово, или согреть себя позволить – нет уж. «Пусть Ваську самого тепер блоха греет».

А блоха старалась. Потел он, расчёсывал себя по несколько раз на дню. И все бы ничего, стерпел бы, да пожаловаться на свое горе было некому, вот в чем беда.

И решил тогда Васька, чего терпеть, если из-за терпения этого ему пользы никакой, а только мука. Позвал Васька Толика и говорит:

– Я, Толик, полный кретин, что позволил какой-то букашке нашу дружбу разрушить. Ты меня прости! И вот что. Я тут придумал кое-что. У наших соседей, видал ты, пес живет, белый – холеный? Ты его подкарауль и меня на лестницу выноси. Как над ним проносить будешь, букашка сама к нему перескочит, я ее знаю.

Посмеялся Толик. Он соседа, интеллигента-оптимиста давно недолюбливал.

Кот накануне не спал, тревожился.

Толик же, снова почувствовав в ногах Васькино тепло, спал крепко, и проснулся решительным и обновленным.

Глава четвёртая

Все свершилось точно по плану. Блоха, как кот и предполагал, сама к сенбернару перепрыгнула.

Друзья отметили Васькино освобождение: по стаканчику, каждый своего.

Жить бы тепер и не нарадоваться, да только стал Вась-

ка грустить с того дня и букашку свою вспоминать добрым словом. Мол, она единственная, кто его двигаться заставлял, и думать, и шевелиться, и бороться! А Толик, и все в этом доме – в болоте живут и сами того не замечают. Даже и говорить с ними не о чем.

Этого Толик вынести уже не мог.

Пошел он к соседу-оптимисту, и сходу, рискуя собственной жизнью, вцепился в шею собаки белой, вынул из нее сопротивляющуюся жирную букашку, принес ее Ваське, посадил ее ему на шею и сказал:

– Всё, Вася. Кончено. Живи теперь с ней.

Живут Васька и Толик в одной квартире, как и прежде, но с тех пор стали они друг другу чужие.

Васька сначала переживал очень, а потом свыкся. Он теперь с Толикиной женой дружит. Он ей на свою букашку жалуется, а она ему – на Толика. Слушают они друг друга и друг другу сочувствуют.

А в Толике сочувствия больше нет! И не просите!

Птичка

Глава первая

Жила-была одна птичка.

Все ее любили. И она всех любила. Когда-то она вылупилась из яйца и прислушалась: лес шумел, насекомые жужжали, ручеек журчал, а старый пенёк поскрипывал. Поскольку мамы и папы рядом не было – они почему-то так и не по-

явились – птичка решила, что летнее солнце и синее небо, и старый пенёк и есть ее родные. Потому они так и гудят, что радуются ее появлению на свет. И птичка ответила им всей силой своего еще не окрепшего голоса.

С того самого первого звука начала птичка петь, благодаря этот мир.

Пение ее было столь прекрасным, что никого не могло оставить равнодушным.

Лисица в погоне за зайцем, услышав ее задумчивую трель, на миг замирала, а, опомнившись, махала лапой, что уж, теперь не поспеть. Дружные бобры трудились, пританцовывая в такт ее задорной песенки. Колокольчики звенели ей в унисон, и даже седой туман, поднимался выше от земли, чтобы ее послушать.

Конечно, не всегда птичка пела. Так случилось, что не оказалось рядом с ней ни одной другой птички, некому было научить ее жизни. До всего ей приходилось додумываться самой. От того многое она делала не как заведено: питалась цветочным нектаром, купалась по утрам в росе.

Птичка даже решила, что одна она такая на всем белом свете. Ничуть ее это обстоятельство не расстроило. Ведь весь мир был для нее.

К счастью, на земле, где она родилась, всегда было лето.

Но бывало оно и засушливым, и не в меру дождливым. Тяжело тогда приходилось птичке. Весь день, пролетав в поисках пищи, возвращалась она к вечеру изможденная, пада-

ла на мягкое сено, и хотелось ей горько плакать.

Тогда она вылетала, садилась на веточку и пела.

Особенно хороша была в те вечера ее песня. И ей становилось легче. И в счастье и в горе была ей песня отрадой.

До поры до времени принадлежала птичка только самой себе и никому больше. Но, каждый в лесу считал, что она немножечко его. К каждому она имела доброе слово, никогда не задавалась, и никогда никого не беспокоила.

От того и любима была всеми. До той поры, пока, в один из сладких теплых вечеров, в последних лучах заходящего солнца она не увидела его.

Глава вторая

Он сидел на соседнем дереве и сосредоточенно чистил свои перышки.

«Какой он серебристый!», – подумалось ей.

Она так боялась спугнуть его, что не стала петь. Только тихо сидела на ветке и любовалась им.

Он, казалось, почувствовал ее пристальный взгляд.

Ее сердечко затрепетало так сильно, что ей показалось, что оно вот-вот выскочит из груди. Неужели, он сейчас улетит, и она никогда больше его не увидит? Она уже готова была сама сорваться с ветки и подлететь к нему, но, он ее опередил, и легко взмахнув крылышками, вмиг оказался рядом.

– Живете здесь? – немного надменно произнес он.

– Это мой дом. Здесь очень хорошо. Тепло и цветы, – по-

спешила она ответить, будто оправдываясь.

– Ясно.

– А вы, простите, откуда?

– Я из соседнего леса. Там лесорубы сегодня. Как известно, лес рубят – щепки летят.

– Вы, значит, без дела остались? – с некоторым облегчением спросила она.

– Ну, знаете ли, я – воробей стреляный, и дело и дом себе всегда найду.

– Значит, вы – Воробей?

– Ну да. А вы-то кто?

– А я и сама не знаю, – вздохнула птичка.

Он поселился рядом, прямо на веточках.

И она стала чаще кружить у своего гнезда, надеясь увидеть его. Если его не было, она ждала его. Он приносил ей вкусные зернышки, а иногда – извивающихся червяков. Их она не ела.

Она не знала, далеко ли он улетает. Думая, что не далеко, она, сама не зная почему, стеснялась петь. Но без песни ей было тяжело, и потому она взяла привычку вставать рано, улетать далеко за реку и петь там.

К тому моменту, когда он просыпался, она уже сидела в своем гнезде.

Однажды он сам спел ей. Он был так горд собой, признавшись, что в детстве брал уроки вокала. Он показался ей ужасно милым. Она решила, что никогда не будет петь при

нем.

Однажды, он улетел, и задержался чуть дольше. Птичка поняла, что больше не сможет жить без него.

Лес встрепенулся. Лес почуял неладное. Как это так? Прилетел какой-то заморский принц, и все, не поет больше наша птичка? И никто ей больше не нужен, ни пень трухлявый, ни ручеек вольный, ни звон колокольчиков. Не слышит она их больше. Нет ей до них никакого дела. Ей есть дело только до него.

А жизнь бежит. И уже никто не мешает лисице ловить зайца, и туман ровно стелется, и бобры, пусть не так слаженно да весело, строят свои хатки. И забыли все почти про птичку. А птичке все равно. Только бы он рядом был. А он – рядом. Он знает, как жить надо и ее учит. С трудом ей это учение дается.

Наконец, говорит он ей, что скучно ему здесь стало. Родственники у него есть, в другом лесу. Надо – к ним. Полетит он. Если она хочет, он ее с собой возьмет, как супругу законную. Два дня ей на размышление.

Да как же лететь то ей? Когда вот здесь мир весь ее, и пень, и туман, и колокольчики? Как же ей все это оставить?

– Тебе решать, – говорит он.

И не спится ей в эту ночь.

Ни свет, ни заря начинает она петь свою прощальную песню.

Лес замирает на миг. И скрипеть начинают сосны, и тра-

ва шелестит, и гулко звенят колокольчики. И проснувшимся зверям лесным не хочется в это утро вылезать из своих жилищ.

Долго поет она. Идет к нему. Теперь он все знает. Если не возьмет ее, такую певунью, в жены, что ж, она останется.

– Что решила? – чирикает он.

– Слышал ты?

– Что слышал?

– Утром пел кто-то, – упавшим голосом говорит она.

– Да нам-то что до того? Летишь ты со мной?

– Лечу.

Глава третья

А там все по-другому. Там куча их, и щебечут они и щебечут. Никуда от этого щебета не деться.

– Вернемся, – говорит она ему. Просит, умоляет. Он – ни в какую.

Ну что ж: здесь, так здесь, главное, что с ним, рядышком. А то, что жизнь – другая, ничего. Она привыкнет.

И привыкла и всему научилась. И гнездышко у них теперь – самое лучшее, и дом полон гостей, она и сама пощебечет, и их послушает. И родственники его на нее не нарадуются. Да и сама она им рада. Семья у неё теперь. И он рядом.

– И что ты в братце моём нашла? – спросила её как-то его сестрица, – неужто достойней никого не нашлось.

– А мне никто другой не нужен, – отвечала ей птичка.

Проснувшись утром, наводила она порядок в доме, и жда-

ла его пробуждения. А уж как он просыпался, начинал свои пёрышки чистить, смотрела на него и думала о том, какая же всё-таки она счастливая.

– Что? – недоверчиво спрашивал он, замечая её взгляд.

– Ничего. Ничего, – смутившись, отвечала она.

Тут и птенчики у них появились: три мальчика и четыре девочки. Все разные, все любимые.

– Самый лучший папа у нас! – говорит она им, – Вон каких он нам червяков приносит!

Сама червяков не ест. И росой по утрам умывается.

А он злится. То, кажется ему, что слишком любезна она с другими. То внимания ему мало, и пытается он ее, по-прежнему ли он ей дорог.

А как же не дорог? Если бы не был дорог, разве было бы у них столько птенчиков? Он ей дороже всего на свете, дороже собственной песни.

И малютки все в него, серебристые, щебетливые. Хотела она их научить нектар пить. Да он, как узнал, расчирикался:

– Нечего из воробьев колибри делать!

Ну, нечего, так нечего. Спорить не стала.

А в нем недовольство все растет. Уж и родственники ему не милы: этот – болтливый, этот – сиротливый, а этот – неказист больно.

– Не будем больше их звать. Что нам с них, дармоедов, только хлеб жрут.

– Так ведь это родные! – удивляется она. Хоть и шумно

ей порой от них, а все веселее. Свои ведь теперь, не чужие.

– Тебе меня, что ли не хватает? – взвизгнул-чирикнул он.

– Хватает.

– Вот и ладно. И с кумушками своими нечего с ветки на ветку скакать, да дела наши, мужские перемалывать!

– Да, что с тобой, милый?

– Вот тебе и что! Чтoб духу их больше здесь не было.

И стали они жить обособленно, своим домом. Только мать его, старая толстая воробыха, прилетала теперь чаще и чирикала ему что-то на ушко.

Когда она улетала, становился он каким-то развязным и совсем уж грубым.

А потом он стал улетать. Говорил, что червяков поблизости не осталось уже, и он, мол, новые земли осваивает.

Она ждала, когда он вернется. Тосковала. Птенчиков растила.

Снилось ей иногда, что она в своем лесу, пьет воду, купается в чистой речушке и не смеет запеть.

Глава четвёртая

Так они и прожили всю свою семейную птичью жизнь.

Однажды, когда все птенцы уже покинули родные пенаты, и они остались вдвоем, он, в очередной раз подчищая свои перышки, чирикнул ей:

– Спой!

– Зачем? – удивилась она.

– Я ведь знаю, что ты хорошо поешь, – ухмыльнулся он.

– Откуда знаешь?

– Я слышал. Там. В последнюю ночь.

– Почему же ты не сказал?

Он помолчал и снова начал чистить свои перья.

– Почему ты не сказал мне? – почти крикнула она.

– А почему ты не сказала, что я не умею петь? Думаешь, ты самая умная? – он чирикнул так громко, что она испугалась.

И вдруг увидела, что он абсолютно сер.

То, что тогда, в лучах заходящего солнца, показалось ей серебристым, было на самом деле серым.

Она подумала, что большую часть своей жизни провела с этим серым воробьем. Зачем? Почему?

Утром она улетела.

Её лес разросся. Трухлявый пенёк совсем развалился, но из корня его росло юное деревце с нежно-зелеными листочками. Колокольчики тоже были новыми и звенели совсем по-детски. Ручей все также журчал, а туман стелился.

Она уже подлетела к тому месту, где когда-то было её гнездо, как вдруг услышала птичью песню, такую прекрасную, совсем юную, полную надежд, что птичке едва хватило сил долететь до своего дерева.

Она села на веточку, огляделась вокруг и подумала:

«Как же все-таки хорошо жить!»

Село

Морошково

Глава первая

То лето провела Оленька в селе Морошково, у родной своей тети. Небольшое это селение располагалось вдоль берега реки. Вода в реке была прозрачная-прозрачная, а рыбки – смелые-смелые. Когда Оленька, сидя на мостках, помогала тете мыть посуду, рыбки подплывали к ней, соревнуясь, кто быстрее завладеет оставшейся на тарелке хлебной крошкой или пригоревшей макарониной. Иногда и раки вылезали из своих нор посмотреть на рыбную трапезу.

Рядом с селом раскинулся лес. Росли в нем сосны да ели могучие, а на болоте по сезону много было ягоды – морошки.

Оттого и звалось село Морошково.

Морошка – ягода редкая, особая, не везде растет. Так и жители этого села не простые были, а как говорится, с изюминкой: кто с маленькой, а кто и с большой.

В одном семействе рождались дети исключительно с рыжими волосами, такими яркими, что в солнечный день тяжело было на них смотреть. В другой семье носы у всех были будто приплюснутые. Третьи отличались черными густыми бровями. У четвертых верхние губы топорщились так, что казалось, что они всегда обижены. Пятые с головы до ног были покрыты веснушками. А у шестых глаза были такие прозрачно-голубые, будто в них навсегда поселился кусочек летнего неба.

Все эти люди, заходившие к тете в гости, казались Оленьке красивыми, каждый по-своему.

А вот сами они бывали иногда своей внешностью недовольны. Тети Олиной соседка Паня, смотрясь в висевшее над её столом зеркало, любила посетовать: «И что ж это я такая лопаухая уродилась, а нос-то курносый какой! Вот и муж мне неказистый достался. А была б я как Кукушкины черноброва, да с орлиным носом Частухиных, да стройна как Петуховы», – тут соседка мечтательно закатывала глаза, и оставалось только додумывать, что бы тогда изменилось в жизни тети Пани.

Дядя Миша был недоволен своим ростом, баба Нюра – щеками, а дядя Толя – недостаточной шириной плеч.

Слушала-слушала Оленька эти жалобы, а потом и говорит:

– Вот приедет мой папа и все исправит!

– А кто теперь твой папа? – удивившись, спросила Олина тетя, знающая своего младшего брата еще с колыбели.

– Мой папа – Заниматель.

– И кого же он занимает?

– Ни кого, а что. Подождите немного, сами все узнаете.

Вскоре слух о приезде Олиного папы, ставшего каким-то Занимателем, пронесся по всему селу. Все теперь его ждали.

И вот, в один прекрасный, или не прекрасный день, Олин папа приехал. Прибыл он на старинном велосипеде, с огромным передним и малюсенькими задними колесами. Сзади к

велосипеду крепилась на длинном связанном из тесёмочек шнуре тележка, доверху наполненная баночками разных размеров и цветов. Были они пустые, с колючими, как ежики резиновыми крышками.

Сам Олин папа тоже выглядел странновато: длинное и худое его тело было облачено в ярко-жёлтый в мелкую дырочку комбинезон, голову прикрывала широкополая шляпа, а на ногах надеты были остроносые, тоже в дырочку, туфли. Он и сам был остроносым, с копною таких же белоснежных как у Оли и её тёти волос.

Поравнявшись с домом сестры, он снял и ловко закинул на забор шляпу, поднял, подбросил в воздух и опустил на землю, выбежавшую встречать его Оленьку, и, раскинув руки для объятий, улыбаясь во весь рот, пошел навстречу Олиной тетушке.

Глава вторая

Тетя Олина, хоть и была сильно удивлена видом младшего брата, но виду не подала. Повела его в избу, усадила за стол, полный солений, варений и закусок. Пригласила родню, самую близкую, и соседей. Набралось человек пятьдесят. О погоде нынешней, об урожае ожидаемом поговорили, мол, опять картошка не уродится, а лук дожди загубили.

– А все-таки хорошо тут у вас! – начал было Олин папа, и добавил: Воздух свежий, земля – плодородная, коровы – толстые и лес – богатый!

– Что ты, – отвечала ему сестрица. – Это раньше так было, когда ты босоногий по лужам бегал. Теперь всё иначе. Вот на меня посмотри. Помнишь, какая у меня коса была? А сейчас что? Три волоска, – добавила тётя, и так своими тремя волосками взмахнула, что сосед ее справа едва увернулся.

– Зато, соседка, посмотри, какая у тебя кожа светлая! – запричитала маленькая смуглая женщина, с узким длинным лицом.

– Что ты, соседка, будь моя воля, я б цыганкой родилась, чтоб любое солнце не страшно было, а сама бы я черная и гибкая была.

Тут добрая половина стола дружно загоготала, видимо представив себе Олину тётю цыганкой.

– Ой, сестренка, ты у нас с детства выдумщицей была. А вот, вы соседки, скажите мне по секрету, хотелось бы вам что-нибудь в себе изменить, скажем, нос, или уши?

Удивились гости такому вопросу, помолчали, задумались, и рассказали Олиному папе обо всех своих несовершенствах. Поток их речей длился бы еще долго, но тут один боевой мужичок, с дальней стороны стола, вдруг встал, и громынул в сторону Олиного папы:

– А ты кто таков будешь, что все вынюхиваешь, выведываешь?

– Я – Заниматель, – просто ответил гость.

Все взоры теперь были обращены к нему.

– Вот, скажем, ты, сестрица, можешь мне одолжить копну

своих белоснежных волос, кто-то отдаст волосы рыжие. Глаза голубые можно поменять на зеленые, нос курносый маленький – на большой с горбинкой.

– Это как же ж? – опять гроыхнул мужик. – Что ж я без носа ходить буду?

– Что вы, зачем без носа? Не надо без носа! Есть у меня инструмент волшебный.

Тут Олин папа достал из верхнего кармана своего комбинезона круглый шарик, с дырочкой посередине и поднес его к глазам собеседника. Тот яростно замахал руками.

– Так вот, – невозмутимо продолжил Заниматель. – Ежели, вам, скажем, ваши уши не нравятся, я их у вас займу, запечатлев вот этим Папоатом, и в баночку помещу. А вы мне расписку дадите, что разрешаете вашими ушами пользоваться. Сами же вы получите возможность испытать любой другой занятый мною предмет. Количество взятых вами у меня займы предметов не должно превышать количества предметов данных вами.

– Но, вы не волнуйтесь, пока вы предмет не выберете, уши ваши при вас останутся, – добавил Заниматель.

– А, ежели, я передумаю?

– Не переживайте, – еще раз добавил Заниматель. – Пока я здесь, вам ничего плохого не грозит.

– А надолго ль ты, братец? – спросила Олина тётя.

– Надолго, сестрица. Мне от таких хороших людей уезжать не хочется. Да и природа соответствует. Давай-ка сест-

ренка, за ягодами завтра сходим!

– Э, нет, братец! Пока мы твои банки и аппаратик ентот не испробуем, никуда не пойдем. Когда начинать можно?

– Да хоть сейчас. Сегодня вы мне займите то, что вам не мило. А с утра приходите, выбирайте, что пожелаете.

– А ты не сбежишь? – опять заговорил громкий мужик.

– Да зачем же мне ваши носы-уши? У меня вроде все на месте, и очень даже привлекательное.

Тут Заниматель глянул в висевшее на стене круглое зеркало, и довольно подмигнул своему отражению. Был он такой смешной, что все так и прыснули. Оленька же прижалась к папе, обняла его и сказала:

– Ты, папка, у меня самый красивый, и самый лучший!

Умилились женщины Оленькиному порыву и доверились окончательно Занимателю.

Вышли все во двор. Там уж вечер наступает. Солнце оранжевое садится, баночки блестят.

И отдали женщины Занимателю все, чем недовольны были: длинные руки, толстые ноги, маленькую грудь, волосы рыжие, глаза карие, брови белые, кожу темную, кожу светлую, горсть веснушек, нос курносый, пальчики толстенные, поп больших несколько штук, икры полные налитые, волоски с тела, пяточки шершавые, реснички короткие.

И мужчины поучаствовали, но, с опаской, самое ценное не отдали. Вдруг Заниматель обманет, тогда ни с чем останешься.

Пока Папоатом все запечатлевали да договора подписывали, ночь наступила. Небо низкое темно-синее все усыпалось яркими звездами. Холодным и равнодушным светом смотрели они на жителей села Морошково. И те вдруг вспомнили, что со встречей гостя совсем забыли про дела свои повседневные: в тот день во многих домах коровы остались не доены, дети не кормлены, а сами жители всю ночь не сомкнули глаз в ожидании утра.

Только Оленька и ее папа спали крепким глубоким сном.

Глава третья

В девять часов утра вдоль Оли тётинной забора протянулась длинная как змея очередь.

Еще с вечера Заниматель предупредил, что раньше одиннадцати принять никого не сможет, потому как приехал сюда отдохнуть, и имеет полное право на здоровый сон и завтрак в тишине.

Сельчане поворчали немного, но, что ж тут поделаешь. С Занимателем лучше не ссориться, а то подсунет еще руки кривые или уши оттопыренные.

Потому стали они тихо ждать.

В десять тридцать Заниматель наконец вышел. Не стал народ томить.

Поставил у забора большое зеркало. Склянки из телеги вынул, расположил их на сложенных из заготовок стеллажах. Так, что кто угодно мог подойти, взять, скажем, банку с уша-

ми (были они внутри не настоящие, а в виде объемного изображения), поднести ее к сердцу и сказать: «бушки–калабушки, покаты капалушки». Кто такие капалушки и почему они покаты, никто не знал, да и знать не хотел. Тут же вместо твоих ушей, выростали у тебя новые, желанные, а твои перемещались в баночку в том же объемном виде. Ежели кто хотел обратно свои уши взять, надо было найти свою баночку, прижать к сердцу и сказать: «калабушки–бушки капаты пакушки».

Объяснил эти незатейливые правила Заниматель, прикнутил к деревянному забору заранее написанный листочек со словами нужными, и только успел произнести: «Ну, что, дорогие односельчане, подходите побли..», как все к стеллажам побежали. Едва с ног его не сбили. Хорошо, что дочку свою, Оленьку, он еще утром отвел к одному старичку столетнему, где и остальных детей родители оставили.

Дедушка этот был единственным взрослым жителем, кого не заинтересовало волшебство Занимателя. И сколько не уговаривали его дети хотя бы зуб свой последний на новую челюсть поменять, дедушка только хитро в усы улыбался. И дети улыбались. Никто из них ничего в себе менять не хотел. Очень они обрадовались, что взрослые оставили их у дедушки на целый день.

Погода стояла чудесная, солнышко светило, ветерок дул. Наносили дети из карьера у реки гору песка золотистого, и к вечеру построили такой огромный замок, с парковками, бас-

сейном, горками, и гаражом, что если бы родители не были так заняты своим преобразованием, то обязательно удивились бы.

Но случилось так, что удивляться сыновьям и дочкам пришлось. Пришли за ними вечером родители, а ребята понять не могут: где – чьи. У Сашиной мамы – нос Катинной мамы, а глаза – Машиной. А у Машиной мамы кожа вдруг потемнела, что Маша даже испугалась, и спросила маму, где она так подгорела. А одна мама настолько преобразилась, что дочери ее не узнали, и сказали, что с ней никуда не пойдут, потому что она тетя чужая.

Пришлось родителям постараться, чтобы доказать, что они остались прежними, любящими и добрыми, только внешность немного изменили, потому что хочется иногда что-то в себе поменять, исправить.

Глава четвёртая

Жизнь в деревне шла своим чередом.

Кто-то, один раз побывав у Занимателя, больше к нему не приходил, а кто-то менялся каждый день. Некоторые до того преобразились, что взглянув утром в зеркало, отскакивали, не сразу сообразив, кто на них смотрит. Таким велено было носить прикрепленную к одежде табличку с именем и фамилией – бейджик.

Один почтенный житель сдал Занимателю свою большую бородавку, располагавшуюся прямо на кончике носа. Нос его

стал теперь гладким, а житель – незаметным. Другой не почтенный житель эту бородавку тут же занял и стал вдруг почтенным. Бывший владелец бородавки, встретив нынешнего, старался в сторону нового владельца не смотреть и с некоторым сожалением трогал кончик своего носа.

Олина тётя превратилась в статную брюнетку, что несколько не сочеталось с ее тяжелой походкой.

Заниматель наслаждался отдыхом: ходил с Олей по грибы да по ягоды и на рыбалку, кушал свежие огурчики, помидорчики и картошку из сестринских запасов нахваливал.

– Да, что ты, братец, разве ж это картошка: мелкая, да корявая. Вот у Михайловых ботва какая, под ней-то верно картошка гладкая да круглая.

– А, ты сестрица, одолжи мне картошки. Глядишь, кто на нее и позарится. А взамен и ты чего получишь.

– И, правда, братец.

Отдала Олина тетя брату грядку картошки, рассказала соседкам, и те весь неказистый урожай Занимателю одолжили. Потом решили и окна одолжить старые, и наличники на окнах. И печки, и дома в ход пошли.

А как-то поутру одна соседка посмотрела на корову свою худюшую, решила ее на другую, полную, поменять, и ее одолжила. Другая соседка корову менять не стала, а заменила ей только рога, на крепкие, большие.

Собаки стали голосистей, лягушки прожорливей: так и ловили комаров, трава – пышнее, а дома, как на подбор, все

одинаковые, так что уже не понятно стало, где, чей дом, и что за чем стоит. Пришлось поставить везде таблички.

Узнал про все это совершенство мэр соседнего городка, и с утра пораньше приехал лично посмотреть, что и как. Олина тетя в дом его пригласила, накормила, напоила. Мэр, хоть и благодарен ей был, но сказав, что дело у него к Занимателю важное и строго секретное, попросил тетю Олину выйти.

– Вот что, есть у меня к вам просьба деликатного рода, – зашептал мэр, оставшись наедине с Олиным папой.

Надо сказать, что мэр был абсолютно лысым, и Заниматель сразу догадался, о чем пойдет речь, но, будучи культурным человеком, виду не подал.

– Прошу вас, продолжайте, – сказал он доверительно.

– Э... Гм... понимаете. У вас тут конь есть вороной. Могли бы вы мне его хвост занять?

– Хвост? – удивился было Заниматель.

Мэр провел рукой по своей совершенно гладкой голове, и Заниматель окончательно все понял.

– Пойдемте. Посмотрим, что можно сделать.

Заниматель убирал на ночь баночки в свою тележку. Ночью он прикрывал ее брезентом, а с утра открывал для всеобщего обозрения.

Хвоста коня в баночке, конечно же, не оказалось. Ведь ни одно животное не согласится добровольно отдать свой хвост. Но, к радости мэра, конь оказался колхозным. И председа-

тель колхоза, переговорив с мэром, легко согласился поменять хвост коня на небольшую, но просторную новую ферму, с десятью коровами, десятью быками, и десятью поросятами.

Конь лишился своего хвоста, к счастью, совершенно безболезненно, а мэр вышел из дома Олиной тети с копной длинных волос цвета вороного крыла. Народ, столпившийся у дома Олиной тети, удивился взявшемуся откуда-то заграничному артисту и продолжал ждать мэра, чтобы поговорить с ним о насущных проблемах.

Новоявленный артист сел в машину мэра и, под охраной еще двух машин, тронулся в город. Охранников Заниматель предупредил заранее. А жителей Олин папа успокоил, сказав, что мэр вышел через черный ход, который не так давно заняла Олина тетя.

Сельчане черному ходу не удивились, как давно уже ничему не удивлялись. Расстроились только. Было у них к мэру много вопросов: дороги плохие, школа не достроена, а тут еще обменные коровы бродили по улицам, и к новым хозяевам идти не хотели, и к старым возвращаться не желали, собаки перестали лаять, а петухи будить всех по утрам. Урожай, переходящий из одних рук в другие начал чахнуть, заборы то и дело ломались, ягоды сохли прямо на ветке, рыба пряталась в песок, а молоко кисло.

Глава пятая

Начались дожди.

Олина тетья, просыпаясь утром по привычке брала гребень, чтобы собрать в пучок свои длинные волосы, но волосы оказывались короткими, а сама она казалась себе какой-то хрупкой, и тяжело ей стало печку топить, и воду носить тяжело.

Отчего-то грустно стало Олиной тете.

Мэра в городе никто не узнавал. При виде его все перешептывались, принимая таки его за заграничного музыканта. Увидев преображенного супруга, жена его упала в обморок. А когда пришла в себя, посмотрела на него укоризненно, и сказала, что пока он не станет прежним, пусть домой не приходит. Не желает она жить с человеком, у которого на голове лошадиный хвост.

Созвал мэра свою охрану и поехал обратно в деревню.

А к этому времени у дома Олиной тети уже собралась толпа. Каждый хотел теперь вернуть свое: курносый нос, оттопыренные уши, полный животик, волосатые руки, картошку маленькую неказистую, корову худую, дом родной.

Хорошо, – согласился Заниматель. – Сейчас вы отдадите мне все, что заняли: всё-всё. А утром вернёте себе свое.

До позднего вечера копировали папоатом сельчане то, что было когда-то так желанно в новые блестящие баночки. И мэра поспел вовремя, отдал хвост лошадиный.

Заниматель все аккуратно в тележку сложил, и брезентом прикрыл.

– Напоминаю вам, – произнес Заниматель так, чтобы все

услышали. – До завтрашнего утра все, что вы скопировали, остается у вас. Лишь завтра, когда вы найдете то, что когда-то отдали, вы сможете взять это взамен того чужого, что отдали сегодня.

Ночью никто из взрослых кроме Олиного папы и столетнего дедушки не спал.

Все ждали утра.

Не спал и обиженный бесхвостый конь. Он ходил по деревне и искал свой хвост. Вдруг он увидел телегу, покрытую брезентом.

«Может, мой хвост здесь?» – подумал конь.

Он схватился зубами за брезент и потянул его на себя. Брезент сдвинулся, открывая взору коня многочисленные баночки. Конь отошел подальше, поскакал в сторону телеги, встал на дыбы, и что было сил, ударил по ней передними ногами. Телега перевернулась. Баночки полетели в разные стороны. Крышки у некоторых из них отлетели, и то, что было внутри, навсегда испарилось. В одной из баночек, конь увидел свой хвост. К счастью, крышка на ней была цела. Конь аккуратно-аккуратно зажал ее своими большими губами, положил на землю и лег рядом с ней. Сердце коня билось сильно-сильно. Он посмотрел на свой хвост и заплакал. Слезинка упала на крышку банки. Изображение исчезло. Конь повернул голову и увидел, что его хвост, его любимый единственный хвост цвета вороного крыла появился у него снова.

Конь вскочил на ноги и счастливый побежал в поле, встре-

чать просыпающееся солнце.

Глава шестая

Наступал новый день.

День этот не предвещал ничего хорошего для жителей села. Всего несколько баночек остались целыми. Остальные либо разбились, либо остались без крышек и содержимого.

Заниматель, оглушенный возмущенными криками, только пожал плечами. Не было его вины в том, что конь перевернул телегу. А то, что конь это сделал, сомнений не было. Нашлись те, кто в окно ночью за телегой наблюдал, да спасти ее не успел. Стали жители размышлять, зачем коню мирному понадобилось телегу воротить. Вспомнил тут кто-то, что конь без хвоста сначала был, а потом вдруг хвост у него вырос. Глянули тут все на ставшего вновь лысым мэра, в общей толпе затерявшегося. И стало все всем ясно. Накинулись люди на мэра: делай, что хочешь, а все что в склянках было, верни.

– Дорогие мои, виноват перед вами, – покаялся мэр, поглаживая свою родную гладкую голову. – Но тут я не в силах что-либо сделать. Просите что угодно, но это – не могу.

Опечалились жители. Но от предложения мэра отказываться не стали. Когда еще такой шанс представится. По приказу Мэра починили в тот год все дороги в селе, и до городов соседних, построили новую школу и садик, дом культуры обновили, а еще от себя лично подарил мэр селу две пло-

щадки новых: детскую и спортивную.

Заниматель же засобирался домой, вместе с дочкой, Оленькой.

– Как же так, – спрашивают его жители, – вы же не оставите нас вот такими?

– Какими? Вы ведь сами хотели, чтобы все лучшее у вас было.

Понурили жители головы.

Тут самый громкоголосый мужик за всех ответил:

– Лучшее то лучшее, да не настоящее. Не свое. Не родное. Верни нам, Заниматель то, что у нас было. Уж если мы его лучше захотим сделать, то сами и сделаем, своими силами, безо всякого твоего чародейства.

– Ну, что ж, – сказал Заниматель. – Раз вы сами так решили, то сами своими силами все исправите. Нужно каждому найти того человека, у которого, скажем, ваш нос, и договориться с ним, что согласен он вам его отдать. Если у него кто-то тоже что-то занял, то и его найти надо, и того, кто у третьего занял. Как поймете вы, кто у кого что занял, вся цепочка у вас соберется. Тогда нужно вам будет всем встать в круг, держась за руки, и хором произнести: Кушки-палабушки-бекаты, у катушки». И тогда все вернется на свои места.

Только учтите, нужно все займы найти, пропустить ничего нельзя. И еще: времени у вас на все про все девять месяцев, а значит, – тут Заниматель достал из кармана своего комбинезона часы, – До девятнадцатого апреля следующего

года.

После этих слов, поцеловал на прощание Заниматель сестру, сел на чудо-велосипед, прицепил сзади тележку с пустыми баночками, посадил Оленьку на раму и уехал. И след его простыл.

Будто и не было его никогда в селе Морошково. А может и лучше, чтоб не было.

Глава седьмая

Заканчивался август. Тяжело пришлось жителям деревни. Урожай поспел, убирать надо, да заготовки делать, дел невпроворот. Да вот еще забота: искать, кому твой нос понадобится. А не найдешь, останешься с носом, с чужим.

Вот и пошли в гости, к одному, к другому, к третьему, и у себя гостей принимать стали. Бывало, люди годами не знались, а тут, что поделать, пришлось. Будто заново друг с другом знакомились. А уж сколько насмеялись, вспоминая, как по началу туго пришлось в чужом теле: у кого брюки спадали в самом неподходящем месте, кто-то, став высоким, всякий раз головой об косяк бился, а кто никак не мог к чужим козьям, в чужом носу, привыкнуть.

Раз в неделю собирались все в отстроенном мэром новом доме Культуры. Подводили итоги поисков, обсуждали дела сельские. Если кому помощь нужна, брались за дело всем селом. Ладно и быстро получалось.

Настала зима. Весна ее сменила. Пришел март.

А еще не вся цепочка собралась. Кого-то явно не хватало. Но вот кого? Никак не могли понять, найти. И тут один почтенный человек признался, что новый непочтенный владелец его бородавки не хочет ее отдавать. Уговаривали его и так, и эдак. И соленья, и варенья, и все, что захочет предлагали, а он ни в какую.

– Мне, – говорит, – эта бородавка жизнь изменила. Теперь всякий меня замечает, а раньше никто и внимания не обращал.

– Да не уж-то из-за какой-то бородавки нам всю жизнь с чужими лицами ходить? – вопрошал народ.

– Не твоя ж, бородавка, отдай! Хуже будет! – грозились мужики.

Ни уговоры, ни угрозы, ничего не помогало.

До девятнадцатого апреля оставалось семь дней.

Уже шесть. Пять. Четыре. Три. Два.

Непочтенный гражданин стоял на своем: «Бородавку не отдам!» Он, казалось, гордился многочисленным вниманием к этой самой бородавке, а соответственно и к нему, как к ее владельцу.

Восемнадцатого апреля жители села прекратили свои попытки уговорить «бородавочника», так они его теперь называли, и смирились с тем, что навсегда останутся такими, какие они есть теперь.

Упрямец просидел на скамейке у реки весь день, делая вид, что любуется рекой, а на самом деле ожидая, что кто-

нибудь подойдет к нему и начнет его уговаривать.

Почти стемнело. К бородавочнику подошли дети. Некоторые из них сели на скамейку, другие остались стоять.

– Здравствуйте, дядя Прохор, – поздоровались они невпопад.

Он уже и забыл, что зовут его Прохор.

– У нас в доме Культуры кинотеатр открывается. Вы ведь раньше киномехаником были?

Прохору вспомнился самый первый кинотеатр в селе, его тесная будочка, и детский смех. Кинотеатр потом закрыли и Прохора забыли.

– Сейчас все по-другому, – сказал Прохор. – Наверно и киноплёнки нет.

– Да, ничего, дядя Прохор, вы справитесь!

– А почему именно я? Неужто, никого достойней не найдётся?

– Да кто ж еще-то? Все ведь заняты с утра до вечера. Только дедушка и вы ничего не делаете. Дедушка старенький. Он для фильмов не годится.

Бородавочник недоверчиво улыбнулся.

– Я подумаю.

– Спасибо!

– Спасибо!

– Мы на вас надеемся!

Прохор ждал, что дети спросят его о бородавке. Но они не спросили.

Уходя, один из них, толкнул другого в бок и сказал:

– Я же говорил, он согласится! Мировой мужик!

– Он же сказал: подумает, – ответил серьезно другой мальчик.

Поздним-поздним вечером дядя Прохор постучал к Олиной тете и сказал:

– Отдаю бородавку.

Глава восьмая

Настал долгожданный день. 19 апреля. Воскресенье.

Олина тетя встала раньше обычного, сделала все необходимые повседневные дела, надела свое самое красивое платье, взяла для своих прошлых, а теперь будущих светлых пушистых волос любимый гребень, посмотрела в зеркало и вздохнула:

«А что-то все-таки в этом есть! Когда еще довелось бы побывать в чужом теле. А свое все равно лучше, какое бы не было!»— подумала она и вышла из дома.

По дороге ей повстречалось множество людей. Все были одеты нарядно и торжественно. Направлялись к школе, где на 10 часов утра был назначен всеобщий сбор.

Вскоре футбольное поле наполнилось людьми. Было на удивление тихо. Почему-то все решили говорить шепотом, будто боясь спугнуть долгожданное чудо, которое должно было произойти. Дети стояли в стороне и смотрели на взрослых с любопытством.

Наконец, один из жителей, тот самый, который десять месяцев назад недоверчиво допытывал Занимателя, взобрался на пень и произнес:

– Что ж, односельчане, предлагаю организовать круг.

Сельчане, улыбаясь, немного смущенно, брали друг друга за руки и расступались. Круг становился все больше и больше. Когда вся цепочка оказалась целой, круг раздвинулся на столько, что участники одной его стороны не видели участников другой стороны, противоположной.

А в середине круга оказались школа с двором, садик, несколько домов, и серая лохматая собака.

Волшебные слова каждый выучил на зубок. Но вот как произнести их вместе, хором?

Дети побежали к дедушке, посоветоваться. Дедушка, хоть и был столетним, но ум имел светлый.

– Вот что, ребята, – сказал он. – Полезайте ко мне на чердак, там в углу стоит красное знамя. Возьмите его и бегите к школе. Рядом с ней дуб. Самые смелые из вас пусть посчитаются, и кто выйдет, пусть с этим знаменем залазит на вершину дуба, так, чтобы все в круге его видели, и, опустив знамя, даст сигнал.

Сбегали смельчаки за знаменем и побежали к дубу. Пятеро самых смелых посчитались, и выпало Андрею на дуб лезть.

Залез он на самую вершину. Флаг поднял. Огляделся. Замерли все в ожидании, на него глядя.

Опустил он знамя и каждый произнес:
«Кушки-палабушки-бекаты, у катушки».

Что тут началось: дома меняться местами стали, заборы перекрашивались, собаки залаяли, коровы замычали, а люди стали худеть, полнеть, расти, белеть, темнеть, и с легким покалыванием в сердце, от которого в глазах защипало, снова становится собой.

Спустя пять минут все встало на круги своя.

Кто-то плакал, кто-то смеялся. И каждый поспешил скорей домой, посмотретья в зеркало и осознать в тишине все, что произошло.

Вскоре школьная площадка опустела, только несколько ребятишек гоняли на поле мяч.

Послесловие

Жизнь в селе потекла своим чередом. Дядя Прохор, которого нет-нет да и назовет кто-то бородавчиком, хоть и нос у него снова стал гладкий как утюг, показывает детям фильмы.

Дедушка попросил родню привезти ему еще машину песка, и теперь у него во дворе всегда полно ребятишек. Они строят из песка замки или военные укрепления, а он смотрит на них в окно, улыбается, иногда чего полезное подсказывает.

Олина тетя носит белую длинную косу, и всегда бывает рада приходу гостей.

Только брат ее не приезжает. Написала она ему письмо, чтобы он не волновался за них. Потому что все у них хорошо.

А он ответил, что волноваться и не думал.

Ходят слухи, что Заниматель на луне поселился. Инопла-
нетяне ему хотят разум вселенский одолжить, а взамен место
просят для проживания, чтоб не большое было, но красивое,
чтоб вода в реке была прозрачная, а сосны да ели в лесу –
могучие, много чтобы было грибов да ягод.

Заниматель им ответа пока не дал.